

РОССИЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ: СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА: УРОКИ ИСТОРИИ

Павел Алексеевич Гурьянов*

Северо-Западный университет управления при Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Гурьянов П.А. (2017) Социально-экономические предпосылки революции 1917 года: уроки истории. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(4): 7–30. <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.4.1>

Аннотация. В статье обсуждаются социально-экономические предпосылки Октябрьской революции 1917 г. Данная тема многократно изучалась, но до сих пор в ней остаются «белые пятна». Одной из явных проблем является идеологизированность темы и ангажированность авторских исследований. Российская империя не была такой экономически и политически отсталой, как ее пытались представить в советской историографии. Однако реформы 1861 г. можно назвать половинчатыми реформами, создавшими ряд институциональных барьеров на пути развития государства. Высшая власть не была способна на последовательную модернизацию реформ, поскольку была заинтересована в удовлетворении предпочтений, прежде всего, старой элиты, которая не могла допустить полного фактического разрушения института крепостного права. В результате в стране редко внедрялись изобретения — «созидательные разрушения», что особенно ярко демонстрируют отрасли электроэнергетики и железных дорог. В стране была значительная дифференциация населения по доходам и социальным группам. За 1885–1914 гг. рост реальной заработной платы рабочих увеличился всего на 2 %, в то время как производительность труда за это время увеличилась, по различным оценкам, от 153 до 225 %. Это вызывало недовольство рабочих, которые стали чаще организовывать стачки. В 1885 г. их было всего 26, в 1903 г. их число составило 550, в 1913 г. — 2404 и в 1914 г. — 3534. В стране была огромная дифференциация населения по доходам. В 1905 г. 1 % населения империи владел 18 % всего национального дохода; 10 % населения контролировали 47 %, в то время как 50 % менее состоятельного населения обладали лишь 17 %. С развитием гражданского роста и появлением у рабочего чувства собственного достоинства в условиях ухудшения социально-экономической конъюнктуры в результате Первой мировой войны революция стала неизбежной. Коллапс Временного правительства не оставил других альтернатив, кроме победы большевиков во главе с В.И. Лениным

* E-mail: pavelgurianov19@gmail.com

Ключевые слова: бюрократия, дворянство, институционализм, кризис институтов, неравенство, политическая культура, русская революция, социальная справедливость

Когда справедливость исчезает, то
не остается ничего, что могло бы
придать ценность жизни людей

И. Кант

Введение

Октябрьская революция сыграла огромную роль для развития нашего отечества. Можно сказать, что пролетарская революция изменила развитие всего мира в целом. Она разделила мир; хрустальный шар дал трещину. Более зажиточная и развитая его часть стала относиться к новому государству сначала с явной опаской, а затем это переросло в очевидное противостояние двух систем. Нобелевский лауреат Э. Фелпс точно заметил, что «для многих, кто боялся прихода социализма, проблема была не в том, что социализм может провалиться, а в том, что он как раз может преуспеть и закрепиться» (Фелпс 2015: 191).

Эти опасения были связаны с тем, что во многих странах до революций экономические ресурсы элементарно растрачивались (Фелпс 2015: 189). Октябрь был революцией антиимпериалистической и первой в мире антикапиталистической революцией (Колбановский 2013: 47). Уже сам факт, что мир стал разделяться на «два лагеря», привел к тому, что во многих государствах ресурсы стали использоваться гораздо более эффективно и распределяться среди значительно более широких слоев населения. В нашем исследовании мы рассмотрим новые статистические данные и критические оценки революции как ее современниками, так и ведущими учеными разных эпох. Проведем анализ с точки зрения теории институционализма; выявим барьеры, сдерживающие развитие как политических, так и экономических институтов.

Новые данные и оценки

Важно понимать, что случайных революций быть не может и все они несут различные изменения для общества в целом, как положительные, так и отрицательные (Асемоглу, Робинсон 2015; Яковенко 2017). До сих пор тема революции не теряет своей остроты и остается недостаточно изученной в научном сообществе (Фельдман 2017; Петров 2017; Розов 2017). Формируются новые подходы к теории революций в мире и оценки их влияния на экономическое развитие государств (Асемоглу, Робинсон 2015; Аджемоглу, Робинсон 2015). Отчасти это происходит из-за ангажированности значи-

тельного количества работ, посвященных данной дискуссионной тематике. В Советском Союзе авторы находились под идеологическим и административным давлением, позже некоторые из них признали недочеты в подходах к исследованной теме. Данный тренд констатировался в ряде работ (Гурьянов 2009: 247–248; Миронов 2017: 97–98). Негативный образ империи был сформирован еще в народнической публицистике, «родоначальнице» всей дореволюционной оппозиционной литературы, строящейся на предвзятости и некорректном инструментарии исследований — «ноющая» историография российской деревни (Давыдов 2016: 6–7).

Российская империя не была такой экономически отсталой, как ее пытались представить. Часто утверждалось, что по промышленному производству Россия занимала в мире пятое место. Но если учитывать кустарную промышленность, наша страна перемещалась на 4 место, опережая Францию (Bairoch 1982; Bairoch, Kozul-Wright 1996: 15; Гурьянов 2009: 251). По величине ВВП (национального дохода) на душу обычно утверждалось, что отставание от США находилось в диапазоне 3,5–4,5 раза, но, по последним исследованиям, в 1880 г. разрыв был существенно ниже. Реальный ВВП на душу населения в России составлял 41 % от уровня США, а в 1900 г. достиг 45,2 %, и находился на этом уровне в 1913 г. — 45,1 % (Prados de la Escosura 2000). Сегодня, располагая новыми данными, нельзя говорить о чудовищно отсталой Российской империи, которая разрушилась чуть ли не сама собой за короткий срок. Первая мировая война нанесла серьезный удар по экономическому уровню жизни простых людей, элиты страны «перегрызлись» за власть и пустили империю на самотек.

Теперь очевидно, что данная тема требует дополнительных объективных исследований. Ясно, что революция — это реальный исторический процесс, а не случайное событие (Аджемоглу, Робинсон 2015; Яковенко 2017). «В революциях находит свое разрешение конфликт между устойчивым структурным началом любого общества и универсальным императивом изменения. Ответственность за революции в большей степени лежит на элитах...» (Яковенко 2017: 88).

Чиновничество в Российской империи

В 1700 г. число чиновников, по расчетам Б. Миронова, составляло приблизительно 5 тыс. человек. В середине 50-х гг. XVIII в., при правлении Елизаветы Петровны, по расчетам историка Троицкого, число всех чиновников составляло 11,5–12,5 тыс. человек. Известно точно, что в 1764 г. при правлении Екатерины Великой число всех чиновников в стране составляло 16504 человек. Мы видим, что за короткий срок число слуг народа увеличилось более чем на треть. Троицким были предприняты определенные попытки определить количество чиновников в нашей стране в 1726 г., и он пришел

к выводу, что оно было приблизительно в 2 раза меньше, чем в середине 50-х гг. XVIII в. (Троицкий 1974: 163, 176–177, 180).

В дальнейшем происходил резкий рост численности чиновников. В 1796 г. — 21,3 тыс. человек, в 1857 г. — 119,3 тыс., в 1897 г. число возросло до 144,5 тыс. В начале XX в.: 1913 г. — 252,9 тыс. человек. С 1700 г. число чиновников увеличилось более чем в 50 раз, при этом численность населения увеличилась не более чем в 15 раз (Гурьянов 2015: 146–147)

Современники считали, что существование чиновников низших классов было ужасным. Так, сенатор А.Д. Боровков вспоминает о чиновниках: «Большая, несравненно большая часть бедствует, нуждаясь даже в пропитании...» (Зайончковский 1978: 72). Из других воспоминаний: «Невозможно было без тяжелого, грустного чувства видеть этих оборванных, небритых и изнуренных лишениями бедняков...» (Миронов 2014а, т. 3: 216). Многие чиновники имели мало детей или вообще были безбрачными. Например, в Калужской губернии 47 % чиновников были холостыми в 50-х годах XIX в. Во многих губерниях на одну семью чиновника приходилось меньше одного ребенка (Миронов 2000, т. 1: 87).

Как же спасались от «голода» «нищие» чиновники? Конечно, коррупция! «По отзывам современников, взяточничество, с точки зрения чиновной морали, являлось обычным явлением и не встречало осуждения окружающих. Недостаток необходимого для себя и семейства ставило служащих в необходимость проживать на службе собственные доходы, у кого они были, или же пополнять недостатки незаконно приобретаемыми доходами. Для пополнения всех этих расходов оставалось одно средство — взятки. Начиная с малого, доходило до больших сумм. По мере возвышения в должности и увеличивавшейся потребности в житейской обстановке чиновник, привыкший уже к лихоимству, увеличивал размер тайных незаконных приобретений» (Миронов 2014б, т. 3: 219–220).

М. Бакунин выдвигал гипотезу о том, что в каждом более позднем хронологическом периоде времени коррупция усиливается: «Число коррумпированных было бесконечно меньше в прошлом, чем в наши дни: меньше до революции, гораздо меньше в средневековье и совсем ничтожно в древности» (Пустовалова 2013: 166) Это объясняется просто, а именно ростом числа «слуг народа». Историк М.С. Восленский совершенно верно замечает, что «Россия — сказочно богатая страна. Только веками управляется она безобразно. Безобразно управляли ею князья и бояре, цари и дворяне...» (Восленский 1991: 496)

Одной из причин Октябрьской революции является общая серость русской бюрократии. Она почти не оставила следа в духовной жизни страны, не смогла создать ни своей культуры, ни своей этики, ни даже своей идеологии (Лотман 1994: 27) Как не вспомнить тезис В.И. Ленина из работы «Что

делать?» об отсталости руководителей. Они иногда всеми силами сдерживали институциональное развитие страны и сопротивлялись «созидательному разрушению» (Балацкий 2017: 150–151; Ленин 1963: 105–106).

Парадоксальным и требующим объяснений является тот факт, что революция в России случилась не в эпоху репрессивного правления Николая I, поражений в Крымской войне и нарастающего отставания от европейских держав, но в период бурного промышленного роста (который продолжался даже в годы Первой мировой войны; в 1916 г. объем промышленного производства возрос на 9 % по сравнению с 1913 г.) и некоторого смягчения царского абсолютизма, достигнутых к началу XX в. (Винокуров 2017: 96).

Институциональное развитие

Электрическое уличное освещение появилось в Российской империи раньше, чем в других государствах. Данный технологический прорыв был связан с именами выдающихся русских изобретателей А.Н. Лодыгина и П.Н. Яблочкова. Накануне Первой мировой войны в Санкт-Петербурге было 13 950 уличных фонарей, из которых насчитывалось лишь 3020 электрических (21,6 %) (Пукинский 2007: 122). В Москве 1913 г. было установлено 4007 электрических фонарей (19,2 %). Общий фонд составлял 20 842 уличных светильников. Заметим, что уже в 1881 г. в Лондоне было свыше 4 тыс. электрических фонарей, а в США уже в 1890 г. уличное освещение городов насчитывало 235 тыс. электрических фонарей (Винокуров 2017: 93).

В 1913 г. электроэнергии на душу населения вырабатывалось почти в 17 раз меньше, чем в США. Россия уступала и другим крупным державам, таким как Германия и Великобритания (Джураев, Персод 2016). Монополизация промышленности, отсутствие равенства в институте собственности, крайне тяжелые условия труда и низкая эффективность управления привели страну к крайней черте. Наличие множества гениальных людей, генерирующих уникальные идеи, фактически не повлекло экономического роста и создания новых секторов экономики. «Сливки» были собраны иностранными предпринимателями.

Уличное освещение является ярким примером развития экономики Российской империи по двум причинам. Во-первых, отставание от ведущих стран в XIX — XX вв. нельзя связывать с тем, что изобретения, ставшие фундаментом промышленной революции, появились в странах Запада. Даже когда российские изобретатели опережали западных, результаты их работы чаще всего были мало востребованы, а возникающие инновации импортировались из западных государств, где они находили более широкое распространение. Например, ведущим игроком на рынке электрического освещения российских городов оказались вовсе не российские предприятия, но

«Общество электрического освещения 1886 г.», принадлежавшее семейству Сименсов (Винокуров 2017: 93–94).

Заметим, что и в других странах сопротивлялись «созидательному разрушению». Например, было движение луддитов (разрушителей машин). Но у нас в стране, к сожалению, в силу низкого уровня образования в крестьянских общинах было крайне негативное отношение к инновациям, и это имело гораздо больший масштаб, чем в других странах (Алексеева, Редин, Рей: 2016: 16–17). Получается, что сами крестьянские общины тормозили перераспределение доходов и богатства, а также политического влияния в результате «созидательного разрушения» (Христофоров 2016: 91; Аджемоглу, Робинсон 2015: 282).

Во-вторых, уличное освещение представляет собой общественное благо. Его развитие зависит от наличия значительной массы населения (гражданское общество), способной тем или иным образом влиять на правительство. Обладая свойствами неконкурентности и неисключаемости, общественное благо достается всем жителям в одинаковом объеме, а значит, издержки его производства в расчете на одну душу будут снижаться по мере увеличения их числа. Поскольку частным игрокам производство общественного блага, как правило, невыгодно, производство общественного блага должно взять на себя правительство, для чего оно должно иметь какие-то стимулы. Правительство должно осознанно принимать во внимание интересы населения в целом, а не только отдельных его слоев, как правило, элиты. В рассматриваемом случае электрификации уличного освещения этого не происходило: электрическими фонарями в империи освещались, прежде всего, центральные районы, окрестности дворцов и крупных церквей (Винокуров 2017: 94).

Интересна с точки зрения институционализма тема строительства железных дорог. С.Ю. Витте точно отметил отличие нашей государственной политики от США: «В Америке, по крайней мере, все железные дороги частные не по названию, а в действительности, поэтому казна в капиталах железных дорог совершенно не заинтересована, а следовательно, если железные дороги и режутся, то казна дефицит не приплачивает» (Гурьянов 2016). В России «частные» железные дороги обходились казне ежегодно приблизительно в 45 млн. рублей, это не считая процентов, которые казна должна была уплачивать по беспроцентному для железнодорожных обществ долгу (Георгиевский 1887: 6). Можно заключить, что правительству не удалось массово привлечь крупный иностранный капитал к строительству железных дорог в стране и оно было вынуждено опираться на российский капитал, который не обладал столь значительными средствами, как иностранный, а в действительности прятал его «под подушкой» или растрачивал за границей. Для поддержки правительство гарантировало многим частным железнодорожным обществам капитал: иногда облигационный, иногда ак-

ционерный, в определенных случаях тот и другой. Многие предприниматели ухватились за столь привлекательную возможность и стали перераспределять: себе доходы, а государству расходы. То есть мы имели «фиктивных» частных предпринимателей в сфере строительства железных дорог (Гурьянов 2016: 179).

Дипломат Семен Романович Воронцов очень точно определил, что именно институциональная среда в государстве крайне дурно влияет на российских подданных: «У нас — невежество, отвратительные нравы — как следствие этого невежества и форма правления, которая, унижая людей, лишает их всякого душевного подъема, приучает их к жадности, к чувственным удовольствиям, гнуснейшим подлостям и угодничеству перед всеми могущественными людьми...» (Микешин 2015: 166).

Якорь экономического развития империи

По расчетам авторитетного экономиста П. Байроха, в 1800 г. по промышленному производству Россия была первой в Европе (не говоря уже об экономически слабых в то время США), опережая даже Великобританию. (Bairoch 1982) Экономическое могущество нашей родины было закреплено в 1814 г., когда наши войска вошли в Париж. Мы были политическим и экономическим гегемоном того времени, но оставались им недолго, — почему, вопрос, требующий проведения исследований в области экономической истории, которых до сих пор нет.

Остановимся на сравнении производств двух ведущих промышленных стран, России и Англии, являющихся показателем технического прогресса стран. В конце XVIII в. обе страны выплавляли около 8 млн. пудов чугуна. В 1859 г. Англия выплавляла 234 млн. пудов чугуна против 16,6 млн. пудов в России, т. е. почти в 15 раз больше. При этом данная отрасль находилась под государственным регулированием и защищалась от импортной продукции высокими ставками протекционистских пошлин. Кроме этого, фабриканты получали значительные денежные субсидии, огромные земельные владения, тысячи приписанных крестьян, но все это не только не давало никаких результатов, но приводило к еще большему, а фактически ужасающему отставанию Российской империи. В других отраслях народного хозяйства страны цены даже не снижались, как, например, цены на железо. В 1824–1826 гг. цена на пуд железа составляла 1 р. 26 коп. серебром, а в 1848–1850 — 1 р. 27 коп., в то время как в Англии за этот период железо подешевело на 60 %. Не удивительно, что действительный тайный советник А.В. Головин утверждал, что нужно выстраивать государственное устройство по английскому образцу, иначе будет расти народное недовольство, ухудшаться финансовое положение в империи и случится политический переворот (Барыкина 2016: 8).

Основной причиной столь очевидного провала являлись принудительный труд и крепостное право. Бесплатный труд приводил к тому, что помещики не вкладывали деньги в развитие сельского хозяйства, а их капиталы элементарно не использовались во всем народном хозяйстве. Почему же крепостное право просуществовало в нашем государстве столь долго? Уничтожение крепостного права было связано со значительными потерями для дворянства; потеря выгод доходила до трети всего состояния помещиков (Милюков 1896: 173, 199).

Достаточно сказать, что в начале XVIII в. крепостная душа стоила 90 руб., в середине века — 270 руб., а в его конце цены доходили до 500 руб. Свои увеличившиеся состояния помещики тратили исключительно на увеличение личного комфорта, совершенно забыв об интересах отечества. С появлением в империи кредитных учреждений помещики, не умеющие распоряжаться денежными средствами, стали закладывать свои поместья и быстро оказались в финансовой кабале, что в итоге и привело к краху института дворянства (Милюков 1896: 173–174).

Если в других странах институт кредитования дал новые возможности для экономического развития стран, у нас он превратился в якорь для цементирующего самодержавия класса и возвеличивания класса предпринимателей с возрастающими капиталами. Последние, начав играть все большую экономическую роль в народном хозяйстве страны, захотели и политической власти, но дворянство пыталось ухватиться за последние ресурсы, которые оставались в их распоряжении.

Революционная реформа 1861 г.: причины и последствия

Фактически реформу 1861 г. можно назвать реформой наполовину, поскольку она создала ряд институциональных барьеров на пути развития Российской империи (Dennison 2006). Де факто крепостничество никуда не делось, а появилась его новая форма (Dennison, Nafziger 2013: 403, 433–434).

Высшая власть не была способна на последовательные модернизационные реформы, ибо была заинтересована в удовлетворении предпочтений дворянской элиты, которая не могла допустить полного фактического уничтожения института крепостничества.

Сама реформа стала возможной в силу нескольких обстоятельств. С одной стороны, институт дворянства стал ослабевать, стало происходить разорение дворянства (Мельцин 2010: 139–143). Почему это происходило? Приведем высказывание С.Н. Тургенева «Я убежден, что скажу безусловную истину, утверждая, что помещики разорились и продолжают разоряться потому только, что никогда не делали того, что им следовало и следует делать. Мужики пашут, купцы торгуют, духовные молятся, а что делают помещики? Они занимались и развлекались всем чем угодно — службой, охотой, лите-

ратурой, амурами, но только не тем, чем им следовало заниматься» (Шаповалов 2010: 129–130). С другой стороны, прогрессивная часть дворянства осознала, что производительность труда крепостного значительно ниже производительности труда свободного человека, а в случае неурожаев они были вынуждены кормить своих крепостных и стали желать освобождения крестьян без земли (Милюков 1896: 200, 202). Кроме того, появившееся промышленное лобби тоже стало заявлять о своих интересах, которые совпадали с интересами империи.

В промышленности после отмены крепостного права появились «кабальные отношения», построенные на принципе «выламывания рук»: работодатель пользовался тяжелым материальным положением или наличием долга будущего рабочего, и тот был вынужден соглашаться на «неимоверно низкую заработную плату» (Волков 2015: 56, 58). Принцип «насильственной нищеты» насаждался не только в России, но и в других странах, особенно в колониях, которые европейцы сделали экономически отсталыми, навязав им экстрактивные институты (Заостровцев 2014: 32–43; Аджемоглу, Робинсон 2015: 351, 357, 360–362, 366–367).

Милюков сравнивает российское крепостное право с «гнилым зданием барского произвола без перегородок внутри», для разрушения которого понадобился всего один росчерк пера («колосс на глиняных ногах»), в отличие от крепостничества в других странах Европы, где для его слома понадобилось целое столетие (Милюков 1896: 199).

Ряд исследователей утверждают, что промышленный капитализм в Российской империи был навязан сверху. Считалось, что после отмены крепостного права в стране наступил этап индустриализации, насаждавшейся с позиции силы, и средства выколачивались на нее из деревни, что в итоге вылилось в революцию 1905 г., ибо «терпению крестьянства пришел конец» (Бовыкин 1988: 55–56). Крестьяне в массе своей были крайне инертны, многие не хотели перемен, их устраивала определенная «стабильность». Инертным было в массе своей и дворянство, чей упадок и сокращение земельных угодий продолжились после 1861 г.

Дворянство в управлении страной

В идеале считалось, что дворянство является не только политической силой, способной противостоять деспотизму, но и духовной и культурной средой, в которой воспитываются культурные, высокоморальные и просвещенные люди (Микешин 2015: 19). Проблема состояла в том, что русское дворянство не привыкло к труду и к правильной хозяйственной деятельности, нуждалось в покровительстве и опеке (Милюков 1896: 175). Молодые дворяне думали только об удовольствиях — балах, зрелищах и других увеселениях. Они предпочитали французский язык русскому и к началу XIX в.

достигли значительных успехов, так что многие дворяне, особенно богатые, плохо говорили по-русски (Микешин 2015: 168; Миронов 2014б, т. 1: 343). Но блеск дворянства оказался в высшей степени непрочным. «Безумная роскошь петербургских богачей и полные сундуки золота и драгоценностей, удивляющие иностранцев в их кладовых, лучше, чем что-либо другое, доказывали бедность России; капитал некуда было приложить при тогдашнем ее состоянии» (Милюков 1896: 173).

В данном случае очевидна вина правительства и монарха, которые не смогли создать институциональную среду для развития народного хозяйства страны. Необходимо заметить, что существовал значительный приток иностранного капитала в империю, особенно французского. Крупные состояния в империи наживались чрезвычайно быстро, а главное — случайно, но так же быстро и проживались из-за расточительности владельцев (Милюков 1896: 173). Чрезмерные случайные доходы развивают в людях расточительность, а растрчивать деньги русские люди у себя на родине не привыкли и ехали для этого за границу, а если и растрчивали в России, то с помощью иностранцев (или иностранок) и потребляя исключительно дорогие предметы иностранного производства (Мигулин 1902: 302). И эта публика играла огромнейшую роль в управлении империей.

В Государственный совет входило, в разные составы 1906–1917 гг., от 81,4 % до 86,1 % потомственных дворян. В Государственную думу разных созывов входило от 3,2 % до 5 % предпринимателей. Росло число дворян-помещиков, крупных землевладельцев: в I Думе 22 %, во II — 17,2 %, в III — 38 %. Количество представителей простых рабочих варьировалось в первых двух составах от 4,6 % до 5,6 %, в третьем составе упало до 2 % (Иванова 2016: 90). Само дворянство было крайне неоднородно, что наглядно демонстрирует табл. 1 (Миронов 2014б, т. 1: 348).

«В нашем дворянстве не было чувства сословного единства. При отсутствии этого корпоративного духа никогда и нигде привилегии дворянского сословия не возникали так быстро, не существовали так недолго и не разрушались так полно, как у нас. Несмотря на усилия правительства внушить сословию “благородный шляхтерский дух”, дворянство было только “тестом, из которого государство пекло себе чиновника”» (Милюков 1896: 175).

Крах империи

Когда появилось гражданское общество в России — дискуссионный вопрос, но после революции 1905–1907 гг. оно явно окрепло. Революция 1905 г. оказала положительное влияние на прогрессивное политическое развитие страны (Иванова 2016: 90). В империи появилась Государственная дума, но она просуществовала очень недолго (апрель — июль 1906 г.) Этот откат

Таблица 1

**Стратификация дворянства Европейской России
без Польши и Финляндии в 1858 г.**

Категория дворян	Число дворян обоего пола		Численность крепостных мужского пола у дворян	
	Тыс.	%	Тыс.	%
Личные	276,8	31,1	-	-
Потомственные, в том числе:	612,0	68,9	-	-
Без земли и крепостных	33,9	3,8	-	-
С землей и крепостных	96,6	10,9	-	-
Без земли с крепостными до 4 душ	16,8	1,9	12,0	0,1
С землей и крепостными до 20 душ	190,2	21,4	327,5	3,1
С землей и крепостными 21–100	164,5	18,5	1666,1	15,8
С землей и крепостными 101–500	92,4	10,4	3925,1	37,2
С землей и крепостными 501–1000	11,2	1,3	1569,9	14,9
С землей и крепостными 1000+	6,4	0,7	3050,6	28,9
Итого	888,8	100	10 551,2	100

и стал миной замедленного действия, ибо задел достоинство значительных слоев населения, ведь половинчатые реформы — это путь в никуда.

В такой ситуации в начале XX в. проводить репрессии против несогласных в более развитом гражданском обществе было уже непросто. «Государство получило в лице общественности поначалу заботливого помощника, в конечном счете — взыскательного оппонента» (Розенталь 2015: 191). Но репрессии происходили: в апреле 1912 г. прошел расстрел рабочих на Ленских приисках, было убито 270 мирных демонстрантов. Министр внутренних дел А.А. Макаров заявил по этому поводу: «так было и так будет» (Дякин 1988). Не понимая, что время изменилось, в декабре этого же года он покинул пост министра.

Среди членов III Думы уже ходили разговоры об убийстве Столыпина, который пытался проводить модернизацию империи. Партия кадетов считала, что крах столыпинского бонапартизма должен был принудить царизм к буржуазно-конституционной эволюции страны. Необходимость этого была очевидна многим, особенно тем, кто часто бывал за границей и видел отставание от цивилизованного мира (Дякин 1988: 14, 16–17). Столыпин, мешающий многим влиятельным людям, был ликвидирован.

Дворянство сохраняло громадный перевес над другими классами (Дякин 1967: 20; Дякин 1988: 3), дворяне-землевладельцы контролировали высшие органы власти (Иванова 2016: 90). Имеющаяся модель управления

имела главную отличительную черту — полное отсутствие стремления к модернизации (Любичаковский 2016: 102–104). Потомственный дворянин С. Витте жестко описывал данные модели управления: «...большинство же дворян в смысле государственном представляет кучку дегенератов, которые кроме своих личных интересов и удовлетворения своих похотей — ничего не признают...» (Витте 1924, т. 1: 427). В конце концов оно столкнулось с институтом монархии в виде Николая II, вынужденного отречься от престола (Ленин 1973, т. 16: 170).

Первый состав Временного правительства был сформирован из представителей правой буржуазии и крупных помещиков; оно было не в состоянии проводить реформы, так что слово «временное» очень точно передавало суть данного правительства, фактически это были министры без власти. Временное правительство рухнуло, т. к. оно осознанно отказалось от инициативы (Гурьянов 2017: 60–62, 65; Соловьев 2016: 36).

Основную часть элиты волновало только собственное благосостояние, а не интересы отечества. Многочисленные пороки элиты привели к краху. Очевидно, что альтернатив Октябрьской революции не было (Гурьянов 2017). Перед ней была Февральская, она произошла во многом в результате столкновения элит. Старая аристократическая элита крайне ревниво относилась к новой аристократической финансовой и промышленной элите, и напряжение между ними нарастало (Юдин 2017: 106–107, 123). В итоге проиграли практически все эти классы, Российская империя пала, и началась грандиозная перестройка, поразившая весь мир. «В Советской России в 1920–1960-х годах произошел невероятный рывок шумпетерианских инноваций...» (Фелпс 2015: 186).

Уровень жизни рабочих и неравенство доходов населения империи

С 1885 г. по 1914 г. реальная заработная плата рабочих в империи возросла менее чем на 2 %. За период с 1887 по 1913 г. производительность труда в промышленности, на основе индекса Голдсмита, возросла в 1,53 раза, по самым скромным оценкам. По данным М. Сухары, производительность труда в промышленности за аналогичный период возросла в 1,67 раза. Самая высокая оценка представлена П. Грегори, он считает, что рост составил 2,25 раза (Грегори 2000; Гурьянов 2017). Очевидно, что в этих условиях столь крайне медленный рост (совершенно символический) зарплат не мог не вызывать недовольства рабочих. В годы же Первой мировой войны заработок существенно снизился. В 1895 г. 68 предприятий были охвачены стачками, в 1903 г. — 550, в 1912 г. — 2032, в 1913 г. — 2404 и в 1914 г. — 3534 (Миронов 2017: 105). В 1885 г. только на 26 предприятиях происходили стачки. Росло количество жалоб на условия труда, в том числе и на сексуальные домога-

тельства (Миронов 2017: 108). В табл. 2 приведены данные реальной заработной платы плотника в Санкт-Петербурге (Миронов 2014б).

Таблица 2

Индекс реальной заработной (ИРЗ) платы плотника в Санкт-Петербурге (1851–1860 гг. = 100 %)

Годы	ИРЗ	Годы	ИРЗ
1811–1820	83	1871–1880	86
1821–1830	86	1881–1890	71
1831–1840	95	1891–1900	86
1841–1850	97	1901–1910	92
1851–1860	100	1911–1913	96
1861–1870	87	1913	99

В период 1851–1960 гг. реальная заработная плата плотников была выше, чем в «легендарном» 1913 г. К аналогичным выводам пришел и А. Рыкачев, что реальная зарплата каменщиков, маляров и штукатурщиков в 1860 г. в Санкт-Петербурге была выше, чем в 1910 г. (Рыкачев 1911). А. Шипилов убедительно доказывал, что уровень жизни рабочих по сравнению с 1775 г. существенно снизился (Шипилов 2009: 330–331).

В Российской империи власть с большой заботой относилась к офицерскому составу. Доходы офицеров постоянно увеличивались, особенно в тот период, когда начались забастовки рабочих. В начале XX в. среднее годовое жалованье (плюс столовые) офицеров составляло 1946 руб. в ценах 1913 г., рабочий получал в 1900 г. 203 рубля в тех же ценах (Миронов 2014а, т. 3: 231, 234), т. е. меньше в 9 раз. Доходы же крестьянства были еще ниже, чем у рабочих. Причем большое количество офицеров были неграмотными (Миронов 2014а, т. 3: 234–235). Это позволяло проще ими манипулировать.

Историк Б.Н. Миронов попытался измерить дифференциацию доходов жителей Российской империи, однако его вычисления выглядят крайне сомнительно (Гурьянов 2017: 63–65). За период 1901–1904 гг. он рассчитал децильный коэффициент, который составил следующую величину — 6,3. Понимая, что и последняя цифра явно занижена, историк оговорился, что данный коэффициент варьировался в границах 4–11 (Миронов 2014б, т. 1: 470).

Критика данных расчетов была проведена Г. Ханиным. По его расчетам, децильный коэффициент составил в 1904 г. — 21,2 (Гурьянов 2017). Т. Пикетти с соавторами определил, что 1 % населения Российской империи в 1905 г. владел 18 % национального дохода страны, в то время как 50 % беднейшего населения — 17 % (и 10 % населения контролировало 47 %) (Novokmet, Piketty, Zucman 2017).

Миронов рассчитал, что индекс Джини для 40 городов страны (для городского населения) составлял в 1883–1884 — 91! (Миронов 2014а: 122). Это же подтверждает и зарубежное исследование, особенно высокий индекс Джини (выше 60) был в Санкт-Петербурге, на Урале и в некоторых частях Украины (Nafziger, Lindert 2014: 786–787). Монархическая власть была не способна решить финансовые проблемы муниципалитетов городов империи, как крупных, так и маленьких. Это приводило к росту образованной оппозиции в городском обществе.

Новый виток историографии русской революции

Историография русской революции носит двойственный характер. Большинству экспертов очевидна неизбежность и модернизационное нутро революции. Ярким же представителем точки зрения об отсутствии необходимости революций 1917 г. является Б. Миронов. Для отстаивания своей спорной позиции он использовал определенную аргументацию, изложенную в нескольких томах.

Ядром концепции Б. Миронова была антропометрическая концепция, которая была полностью опровергнута (Nefedov, Ellman 2016; Нефедов 2017). Ряд положений его общей концепции «случайности» революции также вызывает определенный скепсис у исторического сообщества (Нефедов 2011; Островский 2013; Бакулин 2017). Многочисленные расчеты Б. Миронова весьма затруднительно верифицировать (Мустафин 2017: 190).

Чувствуя слабость своих позиций, Б. Миронов начал искать новые объяснения случившегося. Последние его гипотезы заслуживают определенного внимания, ибо в них есть здоровое зерно, требующее дополнительной исследовательской проработки. Он стал писать о сильной фрустрации среди рабочих. В 1897 г. 45 % мужчин и 63 % женщин из состава рабочих не состояли в браке. Особенно удивительно, что на 259 тыс. незамужних работниц приходилось 1 199 тыс. холостых мужчин, занятых в производстве (без учета вдов и вдовцов). У рабочих по крестьянским стандартам не было условий для нормальной семейной жизни: плохие жилищные условия, отсутствие дошкольных и школьных учебных заведений. Очевидно, что семья обеспечивает более комфортные условия для жизни, снижается потребление алкоголя. Историк считает, что в начале XX в. сложился гендерный дисбаланс в рабочей среде; рабочие не могли удовлетворить свои потребности, даже первичные. Они были не удовлетворены своей жизнью и имели антиобщественный образ жизни. 30 % всех осужденных были рабочие, это при том, что в общей структуре населения составляли всего 4 % (Миронов 2017: 101–104). Очевидно, что дискуссия о причинах происхождения русских революций будет продолжена.

Заключение

Российская империя пала в результате целой группы факторов. Один из них «разбалансированность между экономическими и политическими институтами» (Винокуров 2017: 96). Рабочий класс требовал к себе уважения, что было очень важно; для многих деньги перестали играть главенствующую роль. Чувство неприкосновенности личности охватывало все больше рабочих (Миронов 2017: 108–109). Гражданское общество стало отстаивать свои права и требовало создания институциональных условий для развития страны.

У элиты не было понимания, куда и как двигаться, а только сомнения и личные интересы. В этой ситуации стране была нужна сильная власть, и она появилась в лице В.И. Ленина. И как ни возмущались противники советского строя, В.И. Ленин и его последователи стали строить гораздо более справедливое общество, чем было в Российской империи. Прав Дж. Роулз и разделяющие его точку зрения исследователи Т. Хабриева и В. Чиркин, утверждающие, что если законы и институты, как бы они ни были эффективны и успешно выстроены, должны быть реформированы (или даже ликвидированы), если они не справедливы для членов общества (Хабриева, Чиркин 2017: 12).

В начале XX в. Россия обрела мировое лидерство в стремлении к социальной справедливости (Любинин 2017: 14). Российская империя в том своем виде была не способна на гибкую модернизацию, направленную на реализацию принципа социальной справедливости, в результате чего произошло изменение институтов через две революции, причем данный процесс был неизбежен, как, например, Славная революция в Англии или Великая французская революция.

Литература

Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2015) *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты*. М.: Аст.

Алексеева Е.В., Редин Д.А., Рей М.-П. (2016) «Европеизация», «вестернизация» и механизмы адаптации западных нововведений в России имперского периода. *Вопросы истории*, 6: 3–20.

Асемоглу Д., Робинсон Дж. (2015) *Экономические истоки диктатуры и демократии*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Бакулин В.И. (2017) Историческая концепция Б.Н. Миронова как предмет научной дискуссии. *Вопросы истории*, 2: 126–137.

Балацкий Е.В. (2017) Концепция инклюзивных институтов и ее приложения. *Общественные науки и современность*, 3: 143–156.

Барыкина И.Е. (2016) Проекты усовершенствования системы государственного управления Российской империи второй половины 1860-х гг. *Вопросы истории*, 5: 3–15.

Бовыкин В.И. (1988) *Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции*. М.: Наука.

Винокуров С.С. (2017) Великий Октябрь в зеркале современного институционализма. Волович В.Н., Винокуров С.С. (ред.) *Великий Октябрь в зеркале истории: Великая Октябрьская революция в социально-историческом измерении*. СПб.: Изд-во Инфо-да: 90–115.

Волков В.В. (2015) Кабальные отношения в промышленности России в конце XIX — начале XX в. *Вопросы истории*, 8: 55–73.

Восленский М.С. (1991) *Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза*. М.: Советская Россия.

Георгиевский П.И. (1887) *Финансовые отношения государства и частных железнодорожных обществ в России и западноевропейских государствах*. СПб.: Тип. М-ва пут. сообщ.

Грегори П. (2000) Поиск истины в исторических данных. Еще одна оценка промышленного производства в России, 1887–1913 гг. *Экономическая история. Ежегодник*. 1999. М.: РОССПЭН: 471–500.

Гурьянов П.А. (2009) Промышленное производство России в 1913 и 1916 гг. *Современные аспекты экономики*, 6: 247–251.

Гурьянов П.А. (2015) Особенности российской коррупции и пути ее преодоления *Социально-экономические проблемы преодоления коррупции*. СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена: 136–154.

Гурьянов П.А. (2016) Причины выкупа частных железных дорог в Российской Империи в период царствования Александра III. *Былые годы*, 1: 173–182.

Гурьянов П.А. (2017) Великий Октябрь: экономические предпосылки революции и великое начало. Волович В.Н., Винокуров С.С. (ред.) *Великий Октябрь в зеркале истории: Великая Октябрьская революция в социально-историческом измерении*. СПб.: Изд-во Инфо-да: 30–70.

Давыдов М.А. (2016) *Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина*. СПб.: Алетейя.

Джураев Э.Ш., Персод Н.Л. (2016) *Механика проектного управления. Методология управления*. М.: Издательские решения НИИКПУ.

Дякин В.С. (1967) *Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны 1914–1917 Л.*: Наука.

Дякин В.С. (1988) *Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьешюньской системы*. Л.: Наука.

Зайончковский П.А. (1978) *Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.* М.: Мысль.

Заостровцев А.П. (2014) История по Асемоглу-Робинсону: институты, развитие и пределы авторитарного роста. *Общественные науки и современность*, 3: 32–43.

Иванова Н. (2016) Стратификация российского общества и революция 1905–1907 гг. *Российская история*, 4: 85–90.

Колбановский В.В. (2013) Как нам быть с Великой Октябрьской революцией? *Социологические исследования*, 10: 40–50.

Лотман Ю.М. (1994) *Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века)*. СПб.: Искусство-СПб.

Любинин А. (2017) Октябрь-1917, социалистический проект и суверенитет России. *Российский экономический журнал*, 1: 10–35.

Любичаковский С.В. (2016) Мифы об эффективности местного государственного управления позднеимперской России и их критика. *Вестник ОГУ*, 7: 99–105.

Мигулин П.П. (1902) *Денежная реформа и промышленный кризис*. Харьков: Печатное дело.

Мельщик М.О. (2010) О причинах пореформенного разорения русского дворянства: новые подходы к старой проблеме. *Государство-экономика-политика: актуальные проблемы истории*: сб. науч. тр. Всерос. науч.-метод. конф. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та: 139–143.

Микешин М.И. (2015) *Дворянство: от истории к метафизике* СПб.: Санкт-Петербургский центр историй идей; ИПЦ «Политехника-сервис».

Миронов Б.Н. (2000) *Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.)* СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин».

Миронов Б.Н. (2014а) Какая дорога ведет к революции? (статья первая). *Социологические исследования*, 8: 96–104.

Миронов Б.Н. (2014б) *Российская империя: от традиции к модерну*. В 3-х т. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин».

Миронов Б.Н. (2017) Российский пролетариат начала XX века — революционный авангард, гегемон или маргинал? *Общественные науки и современность*, 3: 97–119.

Мустафин А. (2017) «Ведомости одна с другою никакого сходства не имеют»: верификация данных о хлебных ценах в России в XVIII в. *Российская история*, 2: 189–200.

Нефедов С.А. (2011) Уровень жизни населения в дореволюционной России. *Вопросы истории*, 5: 127–136.

Нефедов С.А. (2017) Суета вокруг революции. *Гуманитарные науки в Сибири*, 1: 5–12.

Островский А.В. (2013) *Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в.* СПб.: ООО Полторак.

Петров Ю. (2017) Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции. *Российская история*, 2: 3–16.

Пукинский Б.К. (2007) *Петербург: 1000 вопросов и ответов*. СПб.: Норинт.

Пустовалова И.Н. (2013) Институционализация коррупции: параллели истории. *Государственное управление*, 37: 166–177.

Розенталь И. (2015) Новое исследование о русской общественности в годы Первой мировой войны. *Российская история*, 6: 179–191.

Розов Н.С. (2017) Вектор русской революции 1917 г. — модернизация или контрмодернизация? *Полис*, 2: 8–25.

Рыкачев А. (1911) Цена на хлеб и на труд в Санкт-Петербурге за 58 лет. *Вестник финансов*, 31: 1–23.

Соловьёв К. (2016) Временное правительство в политической системе России 1917 г. *Российская история*, 5: 20–36.

Троицкий С. (1974) *Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке*. М.: Наука.

Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. (2017) Социальная справедливость (некоторые конституциональные вопросы). *Общественные науки и современность*, 3: 5–14.

Христофоров И.А. (2016) Момент истины? Первая российская революция и крестьянский вопрос. *Российская история*, 4: 90–96.

Шаповалов В.А. (2010) Отмена крепостного права и русские помещики в очерке «Увертюра» из цикла «Оскуднение» С.Н. Терпигорева (С. Атавы). *Научные ведомости Белгородского государственного университета*, 13 (1): 128–136.

Шипилов А.В. (2009) *Индустрия России первой половины XVIII в.: промыслы, ремесло, мануфактура*. Воронеж: ВГПУ.

Фелпс Э. (2015) *Массовое процветание. Как инновации стали источником рабочих мест, новых возможностей и изменений*. М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная миссия».

Фельдман М.А. (2017) В преддверии столетия Октябрьской революции. Некоторые итоги исторических исследований. *Общественные науки и современность*, 1: 64–75.

Юдин Е.Е. (2017) Промышленно-финансовая буржуазная и богатейшие фамилии русской аристократии 1890–1914 гг. *Вопросы истории*, 4: 106–125.

Яковенко И.Г. (2017) Мышление революций. *Общественные науки и современность*, 3: 87–96.

Bairoch P. (1982) International Industrialization levels from 1750 to 1980. *Journal of European Economic History*, 11(2): 269–333.

Bairoch P., Kozul-Wright R. (1996) *Globalization Myths: Some Historical Reflections on Integration Industrialization and Growth in the World Economy*. UK, Cambridge. No 113.

Dennison T.K. (2006) Did serfdom matter? Russian rural society, 1750–1860. *Historical Research*, 79(203): 74–89.

Dennison T.K., Nafziger S. (2013) Living Standards in Nineteenth-Century Russia. *Journal of Interdisciplinary History*, 43(3): 397–441.

Nafziger S., Lindert P. (2014) Russian Inequality on the Eve of Revolution. *The Journal of Economic*, 74 (3) 767–798.

Nefedov S., Ellman M. (2016) The Development of Living Standards in Russia Before the First World War: An Examination of the Anthropometric Data. *Revolutionary Russia*, 29(2): 149–168.

Novokmet F, Piketty T., Zucman G. (2017) *From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016*. Working Paper N 2017/09.

Prados de la Escosura L. (2000) International Comparisons of Real Product, 1820–1990: An Alternative Data Set. *Explorations in Economic History*, 37(1): 1–41.

Источники

Витте С.Ю. (1924) *Воспоминания*. Л.: Государственное издательство. В 3-х т. Т. 1.

Ленин В.И. (1963) *Что делать? Полное собрание сочинений*. Изд. 5. Т. 6. М.: Политиздат.

Милюков П. (1896) *Очерки по истории русской культуры*. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова. Ч. 1

SOCIAL AND ECONOMIC BACKGROUND OF THE OCTOBER REVOLUTION OF 1917: THE LESSONS OF HISTORY

*Pavel Guryanov**

North-West Institute of Management, The Russian Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia

Citation: Guryanov P. (2017) *Sotsialno-ekonomicheskiye predposylki revolyutsii 1917 goda: uroki istorii* [Social and economic background of the October revolution of 1917: the lessons of history]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20(4): 7–30 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.4.1>

Abstract. The article discusses the socio-economic background of the October revolution of 1917. This topic has been studied many times, but it still has a lot of “blind-spots”. One of the obvious problems is the ideological nature of the topic. The Russian Empire was not as economically and politically backward as it was presented in the Soviet historiography. However, the reforms of 1861 can be called half-hearted reforms because they created a number of institutional barriers to the development of the state and society.

The supreme power was not able to gradually pursue the reforms, because it was interested in retaining the privileges of the old elite, who could not allow the actual destruction of the institution of serfdom. As a result, inventions leading to “creative destruction” were rarely introduced in the country that is clearly seen in the electric power and railroad industries. In the country there was a significant differentiation of the population by income and social groups. For the years 1885-1914 the growth in real wages of workers increased by only 2%, while labor productivity during this time increased, according to various estimates from 153 to 225%. This displeased the workers, who began to organize strikes more often. In 1885 there were only 26 of them, in 1903 their number was 550, in 1913 — 2404 and in 1914 — 3534. In the country there was a huge differentiation of the population by income. In 1905 1% of the population of the empire owned 18% of the total national income; 10% of the population controlled 47%, while 50% of the poorer population had only 17%. With

* E-mail: pavelgurianov19@gmail.com

the development of civil society and the enhancement of the worker's sense of self-esteem in the conditions of worsening socio-economic situation as a result of the First World War, the revolution became inevitable. The collapse of the Provisional Government did not leave other alternatives, except for the victory of the Bolsheviks, headed by V. Lenin.

Keywords: bureaucracy, nobility, institutionalism, crisis of institutions, inequality, political culture, Russian revolution, social justice

References

Acemoglu D., Robinson J. (2015) *Ekonomicheskie istoki diktaturyi i demokratii* [Economic Origins of Dictatorship and Democracy]. M.: Izd. dom HSE (in Russian).

Acemoglu D., Robinson J. (2015) *Pochemu odni strany bogatyye, a drugie bednyye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nischety* [Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty]. M.: Ast (in Russian).

Bairoch P. (1982) International Industrialization levels from 1750 to 1980. *Journal of European Economic History*, 11(2): 269–333.

Bairoch P., Kozul-Wright R. (1996) *Globalization Myths: Some Historical Reflections on Integration Industrialization and Growth in the World Economy*. UK, Cambridge. No 113.

Bakulin V.I. (2017) Istoricheskaya kontseptsiya B.N. Mironova kak predmet nauchnoy diskussii [Historical concept of B.N. Mironov as subject of a scientific discussion]. *Voprosyi istorii* [Questions of History], 2: 126–137 (in Russian).

Balatskiy E.V. (2017) Kontseptsiya inklyuzivnykh institutov i ee prilozheniya [Concept of inclusive institutes and its application]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World], 3: 143–156 (in Russian).

Barykina I.Ye. (2016) Proekty usovershenstvovaniya sistemy gosudarstvennogo upravleniya Rossiyskoy imperii vtoroy poloviny 1860-kh [Projects to improve the system of public administration of the Russian Empire in the second half of the 1860s]. *Voprosyi istorii* [Questions of History], 5: 3–15 (in Russian).

Bovykin V.I. (1988) *Rossiya nakanune velikikh sversheniy: K izucheniyu sotsialno-ekonomicheskikh predposylok Velikoy Oktyabrskoy sotsialisticheskoy revolyutsii* [Russia on the eve of great achievements: towards the study of the socio-economic conditions of the great October socialist revolution] M.: Nauka (in Russian).

Davyidov M.A. (2016) *Dvadtsat let do Velikoy voyny: rossiyskaya modernizatsiya Vitte-Stolykina* [Twenty years before the great war: Russian modernization of Vitte-Stolypin] SPb.: Aleteyya (in Russian).

Dennison T.K. (2006) Did serfdom matter? Russian rural society, 1750–1860. *Historical Research*, 79 (203): 74–89.

Dennison T.K., Nafziger S. (2013) Living Standards in Nineteenth-Century Russia. *Journal of Interdisciplinary History*, 43(3): 397–441.

Dyakin V.S. (1967) *Russkaya burzhuaziya i tsarizm v gody pervoy mirovoy voyny 1914–1917* [The Russian bourgeoisie and tsarism in the years of the first world war, 1914–1917]. L.: Nauka (in Russian).

Dyakin V.S. (1988) *Burzhuaziya, dvoryanstvo i tsarizm v 1911–1914. Razlozhenie treteiyunskoy sistemy* [The bourgeoisie, nobility and tsarism in 1911 to 1914 Decomposition on the third of June system]. L.: Nauka (in Russian).

Dzhuraev E.Sh., Persod N.L. (2016) *Mekhanika proektnogo upravleniya. Metodologiya upravleniya* [The mechanics of project management. Management methodology]. M.: Izdatelskie resheniya NIIKPU (in Russian).

Feldman M.A. (2017) V preddverii stoletiya Oktyabrskoy revolyutsii. Nekotorye itogi istoricheskikh issledovaniy [On the eve of the centenary of the October revolution. Some of the results of historical research]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World], 1: 64–75 (in Russian).

Felps E. (2015) *Massovoe protsvetanie. Kak innovatsii stali istochnikom rabochikh mest, novykh vozmozhnostey i izmeneniy*. [Mass Flourishing: How Grass Roots Innovation Created Jobs, Challenge, and Change]. M.: Izd-vo Instituta Gaydara; Fond «Liberalnaya missiya» (in Russian).

Georgievskiy P.I. (1887) *Finansovyye otnosheniya gosudarstva i chastnykh zheleznodorozhnykh obschestv v Rossii i zapadnoevropeyskikh gosudarstvakh*. [Financial relations between the state and private railway companies in Russia and Western European countries]. SPb: Tip. M-va put. soobshch. (in Russian).

Gregori P. (2000) Poisk istiny v istoricheskikh dannykh. Esche odna otsenka promyshlennogo proizvodstva v Rossii, 1887–1913. [Search for truth in historical data. Another assessment of industrial production in Russia, 1887–1913]. *Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik*. [Economic history. Yearbook]. M.: ROSSPEN: 471–500 (in Russian).

Guryanov P.A. (2009) Promyshlennoe proizvodstvo Rossii v 1913 i 1916gg. [Industrial production of Russia in 1913 and 1916]. *Sovremennyye aspekty ekonomiki* [Modern aspects of Economics], 6: 247–251 (in Russian).

Guryanov P.A. (2015) Osobennosti rossiyskoy korruptsii i puti ee preodoleniya. In: *Sotsialno-ekonomicheskie problemy preodoleniya korruptsii*. SPb.: Izd-vo RGPU im. Gertsena: 136–154 (in Russian).

Guryanov P.A. (2016) Prichiny vykupa chastnykh zheleznykh dorog v Rossiyskoy Imperii v period tsarstvovaniya Aleksandra III [The reasons for the redemption of private Railways in the Russian Empire during the reign of Alexander III]. *Bylye gody* [The Old Years], 1: 173–182 (in Russian).

Guryanov P.A. (2017) Velikiy Oktyabr: ekonomicheskie predposylki revolyutsii i velikoe nachalo. [Great October: the economic background of the revolution and the great beginning]. In: Volovich V.N., Vinokurov S.S. (ed.) *Velikiy Oktyabr v zerkale istorii: Velikaya Oktyabrskaya revolyutsiya v sotsialno-istoricheskoy izmerenii*. [Great October in the mirror of history: The great October revolution in the socio-historical dimension]. SPb.: Izd-vo Info-da: 30–70 (in Russian).

Ivanova N. (2016) Stratifikatsiya rossiyskogo obschestva i revolyutsiya 1905–1907 [Stratification of Russian society and revolution of 1905–1907]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 4: 85–90 (in Russian).

Khabrieva T.Y., Chirkin V.E. (2017) Sotsialnaya spravedlivost (nekotorye konstitutsionalnyye voprosy) [Social justice (some constitutional issues)]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World], 3: 5–14 (in Russian).

Khristoforov I.A. (2016) Moment istiny? Pervaya rossiyskaya revolyutsiya i krestyanskiy vopros [Moment of truth? The first Russian revolution and the peasant question]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 4: 90–96.

Kolbanovskiy V.V. (2013) Kak nam byt s Velikoy Oktyabrskoy revolyutsiey? [How do we deal with the great October revolution?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 10: 40–50 (in Russian).

Lotman Yu.M. (1994) *Besedy o russkoy kulture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII — nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture: the life and traditions of Russian nobility (XVIII — beginning of XIX century)]. SPb.: Iskusstvo-SPb. (in Russian).

Lyubichakovskiy S.V. (2016) Mify ob effektivnosti mestnogo gosudarstvennogo upravleniya pozdneimperskoy Rossii i ikh kritika [The myths of the effectiveness of local government of late Imperial Russia and their criticism]. *Vestnik OGU* [Bulletin of the OSU], 7: 99–105 (in Russian).

Lyubinin A. (2017) Oktyabr-1917, sotsialisticheskiy proekt i suverenitet Rossii [October-1917, the socialist project and sovereignty of Russia]. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal* [Russian economic journal], 1: 10–35 (in Russian).

Meltsin M.O. (2010) O prichinakh poreformennogo razoreniya russkogo dvoryanstva: novyye podhodyi k staroy probleme [On the causes of the reformation of the Russian nobility: new approaches to the old problem]. In: *Gosudarstvo-ekonomika-politika: aktualnyie problemy istorii* [State-economy-politics: actual problems of history] SPb.: Izd-vo Politekhn. un-ta: 139–143 (in Russian).

Migulin P.P. (1902) *Denezhnaya reforma i promyshlennyy krizis*. [Monetary reform and the industrial crisis]. Kharkov: Pechatnoye delo (in Russian).

Mikeshin M.I. (2015) *Dvoryanstvo: ot istorii k metafizike* [Nobility: from history to metaphysics]. SPb.: Sankt-Peterburgskiy tsentr istoriy idey; IPTs «Politehnika-servis» (in Russian).

Mironov B.N. (2000) *Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.)* [Social history of the Russian Empire (XVIII — early XXth century)]. SPb.: Izd-vo «Dmitriy Bulanin» (in Russian).

Mironov B.N. (2014a) Kakaya doroga vedet k revolyutsii? (statya pervaya) [What road leads to revolution? (the first article)]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 8: 96–104 (in Russian).

Mironov B.N. (2014b) *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [Russian Empire: from tradition to modern St. Petersburg]. SPb. Izd-vo «Dmitriy Bulanin», T. 1–3 (in Russian).

Mironov B.N. (2017) Rossiyskiy proletariat nachala XX veka — revolyutsionnyy avangard, gegemon ili marginal? [The Russian proletariat at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries – revolutionary vanguard, hegemon, or marginal actor?]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World], 3: 97–119 (in Russian).

Mustafin A. (2017) «Vedomosti odna s drugoyu nikakogo skhodstva ne imeyut»: verifikatsiya dannykh o khlebnnykh tsenakh v Rossii v XVIII v. [“Statements do not have any similarity with one another”: the verification of data on grain prices in Russia in the XVIII century]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 2: 189–200 (in Russian).

Nafziger S., Lindert P. (2014) Russian Inequality on the Eve of Revolution. *The Journal of Economic*, 74(3): 767–798.

Nefedov S., Ellman M. (2016) The Development of Living Standards in Russia Before the First World War: An Examination of the Anthropometric Data. *Revolutionary Russia*, 29(2): 149–168.

Nefedov S.A. (2011) Uroven zhizni naseleniya v dorevolyutsionnoy Rossii [The standard of living of the population in pre-revolutionary Russia]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 5: 127–136 (in Russian).

Nefedov S.A. (2017) Suyeta vokrug revolyutsii [Fuss about revolution]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [The Humanities in Siberia], 1: 5–12 (in Russian).

Novokmet F., Piketty T., Zucman G. (2017) *From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016*. Working Paper N 2017/09.

Ostrovskiy A.V. (2013) *Zernovoye proizvodstvo Evropeyskoy Rossii v kontse XIX — nachale XX veka* [European Russia's grain production at the end of the XIX and beginning of XX centuries]. SPb.: OOO Poltorak (in Russian).

Petrov Yu. (2017) Rossiya nakanune Velikoy revolyutsii 1917g.: sovremennyye istoriograficheskie tendentsii [Russia on the eve of the great revolution of 1917: modern historiographical trends]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 2: 3–16 (in Russian).

Prados de la Escosura L. (2000) International Comparisons of Real Product, 1820–1990: An Alternative Data Set. *Explorations in Economic History*, 37(1): 1–41.

Pukinskiy B.K. (2007) *Peterburg: 1000 voprosov i otvetov* [Petersburg: 1000 questions and answers]. SPb.: Norint (in Russian).

Pustovalova I.N. (2013) Institutsionalizatsiya korruptsii: paralleli istorii [Institutionalization of Corruption: Parallels of History]. *Gosudarstvennoye upravleniye* [Public administration], 37: 166–177 (in Russian).

Rozental I. (2015) Novoye issledovaniye o russkoy obschestvennosti v gody Pervoy mirovoy voyny [New research on Russian society during the First World War]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 6: 179–191 (in Russian).

Rozov N.S. (2017) Vektor russkoy revolyutsii 1917g. — modernizatsiya ili kontrmodernizatsiya? [The Vector of Russian revolution of 1917 — modernization or counter-modernization?]. *Polis* [Political research], 2: 8–25 (in Russian).

Rykachev A. (1911) Tsena na khleb i na trud v Sankt-Peterburge za 58 let [The price of bread and work in Saint-Petersburg over 58 years]. *Vestnik finansov* [Journal of Finance], 31: 1–23 (in Russian).

Shapovalov V.A. (2010) Otmena krepostnogo prava i russkie pomeschiki v ocherke «Uvertyura» iz tsikla «Oskudnenie» S.N. Terpigoreva (S. Atavyi) [Abolition of serfdom and Russian landlords in the essays “Overture” from the cycle “Obscurity” S.N. Terpigoreva (S. Atava)]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Belgorod state University], 13 (1): 128–136 (in Russian).

Shipilov A.V. (2009) *Industriya Rossii pervoy poloviny XVIII v.: promyisly, remeslo, manufaktura* [Industry of Russia in the first half of the XVIII century: arts and crafts, handicraft, manufacture]. Voronezh: VGPU (in Russian).

Solovyev K. (2016) Vremennoe pravitelstvo v politicheskoy sisteme Rossii 1917 [Interim government in the political system of Russia in 1917]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 5: 20–36 (in Russian).

Troitskiy S. (1974) *Russkiy absolyutizm i dvoryanstvo v XVIII veke* [Russian absolutism and the nobility in the eighteenth century]. M.: Nauka (in Russian).

Vinokurov S.S. (2017) Velikiy Oktyabr v zerkale sovremennogo institutsionalizma. [The great October revolution in the mirror of modern institutionalism]. In: Volovich V.N., Vinokurov S.S. (ed.) *Velikiy Oktyabr v zerkale istorii: Velikaya Oktyabrskaya revolyutsiya v sotsialno-istoricheskom izmerenii* [Great October in the mirror of history: The great October revolution in the socio-historical dimension]. SPb.: Izd-vo Info-da: 90–115 (in Russian).

Volkov V.V. (2015) *Kabalnyye otnosheniya v promyshlennosti Rossii v kontse XIX — nachale XX v.* [Bonded relations in the Russian industry at the end of XIX — the beginning of XX century]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 8: 55–73 (in Russian).

Voslenskiy M.S. (1991) *Nomenklatura. Gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo Soyuz.* [Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union]. М.: Sovetskaya Rossiya (in Russian).

Yakovenko I.G. (2017) *Myshlenie revolyutsyy* [Thinking revolutions]. *Obschestvennyie nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World], 3: 87–96 (in Russian).

Yudin E.E. (2017) *Promyshlenno-finansovaya burzhuaziya i bogateyshie familii russkoy aristokratii 1890–1914* [Industrial and financial bourgeoisie and richest families of the Russian aristocracy of 1890–1914]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 4: 106–125 (in Russian).

Zaostrovtshev A.P. (2014) *Istoriya po Asemoglu-Robinsonu: instituty, razvitie i predely avtoritarnogo rosta* [History according to Acemoglu-Robinson: institutions, development and the limits of authoritarian growth]. *Obschestvennyie nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World], 3: 32–43 (in Russian).

Zayonchkovskiy P.A. (1978) *Pravitelstvennyy apparat samodержавной Rossii v XIX* [Government of autocratic Russia in XIX century]. М.: Mysl (in Russian).